

ФЕНОМЕН ГОСУДАРСТВА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ П. БУРДЬЕ

Н. П. Петрашко

Белорусский государственный университет, г. Минск;

nik.petrashko98@gmail.com;

науч. рук. – В. Ф. Гигин, канд. ист. наук, доц.

В данной статье рассматривается подход к изучению природы и функций государства с позиций такого исследователя в области социальных наук как П. Бурдьё. В его работах государственные институты не осмысливаются теми же терминами, которыми эти институты описывают сами себя, а также они перестают исполнять роль «функционеров зла», которую им склонна приписывать марксистская традиция. Согласно выводам автора, государство является через трансляцию смыслов, которые разделяют все граждане, и, т. о., оно играет ключевую роль в формировании множества индивидуальных «жизненных миров». Благодаря символическому насилию, воплощающему себя через законодательные акты, канонизацию социальных классификаций и многому другому, государство выстраивает матрицу общественного бытия, или, точнее, государство само оказывается этой матрицей. Данный подход является малоизученным в рамках отечественной социологии, однако при этом он не лишен потенциала для своих дальнейших разработок. Новая точка зрения на одно из важнейших явлений современности должна способствовать появлению решений многих, считавшихся до этого тупиковыми, вопросов.

Ключевые слова: государство; Бурдьё; символический универсум; символическое насилие; социальные классификации; порядок.

Вопрос о государстве как об условном бюрократическом аппарате, группе чиновников или административном поле с неизбежностью приводит исследователя к вопросу о функциях того, что ранее было именовано государством. На данном этапе крайне важно, если имеются подобные интенции, предпринять попытку вынести объективное суждение, свободное от спонтанных интуиций и верований, что бывает особенно затруднительным, если предмет исследования сам зачастую служит «инспектором» обоснованности чего-то еще, в том числе и самого себя. Здесь ни в коем случае нет претензии на «чистую мысль», которая будет произведена после тщательной очистки от идеологических нагромождений, скорее обнаруживается необходимость отказа от мышления о государстве категориями государства, которые хоть и не служат интересам определенной группы, однако от этого не становятся менее безобидными.

Какие же категории мышления являются «государственными»? Забегая немного вперед, объявим таковыми все, которые избегают постановки под вопрос само государство как таковое. Может ли субъект, живущий и составляющий свое расписание по государственному календарю,

оформляющий заявление в ЗАГС или дарственную на квартиру по праву назвать себя способным мыслить государство, не подвергая при этом сомнению описанные практики? Иными словами, пользуясь терминологией В. Вахштайна, можно сказать о том, что социолог, желающий мыслить государство должен переключиться с модуса параноидного подозрения (характерного для марксистской традиции определения государства) в модус шизоидного подозрения. В основе шизоидного подозрения «лежит онтологическое сомнение – отказ признавать видимое действительным» [1]. Только при условии того, что самоочевидность тех или иных явлений будет устранена, станет возможным высказывание о государстве, не «исходящее от государства».

Для наглядности можно рассмотреть, что произойдет, если вышеописанного переключения не случится: Т. Гоббс и Дж. Локк будут тому отличным примером. Согласно их убеждению, «государство является институтом, обязанным служить общему благу, управлению во благо народа» [2, с. 52]. «Государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем, чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты» [3, с. 123]. Данные утверждения отражают то, что происходит, когда точка зрения государства присваивается, становится собственной. Исследователь оказывается как-бы изнутри исследуемого предмета, т.е. остается его представителем, и ретранслирует те высказывания, которые сам предмет о себе производит. П. Бурдьё, анализируя проблему сущности государства, приходит к выводу о том, что его можно определить как «скрытый принцип, схватываемый в проявлениях общественного порядка, понимаемого одновременно в физическом и символическом смысле» [2, с. 56]. Государство здесь предстает не в виде разумного и действующего «организма», а как предельное пространство возможных высказываний.

П. Бергер и Т. Лукман, именовали такое предельное пространство «символическим универсумом». «Символический универсум понимается как матрица всех социально объективированных и субъективно реальных значений; целое историческое общество и целая индивидуальная биография рассматриваются как явления, происходящие в рамках этого универсума» [4, с. 157]. Потенциал быть «символическим универсумом» в подавляющей степени отводился ими религиям, как фундаментальным космологиям и антропологиям каждой индивидуальной жизни. Представляется возможным, однако, переопределить «символический уни-

версум» и как государство благодаря заметкам П. Бурдьё. В своей работе «О государстве», он утверждает, что оно обладает «монополией на физическое и символическое насилие» [2, с. 50]. Это дополненное определение М. Вебера схватывает одну значительную деталь: монополия на символическое насилие является условием монополии на физическое. Под символическим насилием мы будем иметь ввиду возможность навязывать значения и категории, а также безусловную возможность признания их легитимными.

Сразу же приходит на ум «производство и канонизация социальных классификаций» - одна из наиболее общих функций государства. Реестр профессий, паспорт, свидетельства об образовании, заключения о состоянии здоровья – результат подобного рода производства. Они обладают властью навязывания, и с ними приходится считаться, даже не разделяя лично. Государство кодифицирует граждан, граждане же, находясь в «символическом универсуме» государства, сами пользуются подобным рода кодификациями, становясь носителями государственных идентичностей.

Свойство «символического универсума», или обладателя монополии на символическое насилие, заключается также и в ведущей роли данных классификаций по отношению к произведенным в иных областях. Поля искусства, литературы, медицины и т.д. оказываются подчиненными и определенными государственными классификациями данных полей. Они как бы нарастают на государстве, оказываются в его среде.

Возникает вопрос о государственных представителях. Лица, занимающие ту или иную государственную должность, обладают полномочиями классифицировать согласно установленной форме, будь то учитель, ставящий оценки ученикам или ревизор, внезапно нагрянувший с проверкой. Они обладают авторитетным суждением, имеющим вес в остальных инстанциях. Мало того, данные суждения имеют вес для всех граждан, т.к. исходят от государства. Эти представители, обосновывая свою принадлежность государству и возможность авторитетного суждения, отсылают к комитетам, министерствам и т.д., которые обладают правом наделять их полномочиями. В конечном счете, все оказывается сведенным к государству, как к некой точке абсолюта. Полномочиями при этом продолжают наделять представители. Таким образом, государство обнаруживает себя как коллективное верование, существующее только благодаря убежденности в его реальности.

Такой принцип организации, когда каждый представитель вынужден соблюдать форму для обретения полномочий (действовать как офици-

альное лицо) и в соответствии с формой выносить авторитетные суждения, имеющие значимость для всех остальных, иными словами бюрократия, приводит к распылению власти. Субъекты больше не являются подчиненными определенному лицу и классифицируемыми исходя из интересов данного лица. Остается лишь безусловный авторитет делегатов, который обладает тотальной универсальностью.

Государство оказывается базовым пространством, принципом организации порядка, придающим форму всем остальным институтам и объединяющим его членов в единое целое. Насаждая когнитивные оценочные структуры, государство конструирует то, что феноменологии называли бы «жизненным миром» или «миром здравого смысла», в рамках которого индивиды осознают себя и другого.

Библиографические ссылки

1. *Вахштайн В.* Дело о повседневности / В. Вахштайн. – СПб. : Центр гуманитарных инициатив. – 2015. – 144 с.
2. *Бурдьё П.* О государстве : курс лекций в Коллеж де Франс (1989 -1992) / П. Бурдьё. – М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС. – 2016. – 720 с.
3. *Гоббс Т.* Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского [Электронный ресурс] / Т. Гоббс. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs.Leviafan.pdf>. (дата обращения: 15.04.2018).
4. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. - М. : Медиум. - 1995. – 323 с.